

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

М. А. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Марина Воскресенская

**Серебряный век в
социокультурном измерении**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2021

УДК 930.85
ББК 63.3(2)53

Воскресенская М. А.

Серебряный век в социокультурном измерении /
М. А. Воскресенская — «Санкт-Петербургский государственный
университет», 2021

ISBN 978-5-288-06098-4

Первое издание вышло в 2020 году при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В монографии представлен результат исследования социокультурных условий, сформировавших сложный и многогранный феномен Серебряного века. Используя обширный мемуарный, публицистический, философский и художественный материал, автор анализирует мировоззренческие установки российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков с позиций культурно-исторического подхода, дающего ключ к пониманию глубинных механизмов развития общества. Издание адресовано историкам, культурологам и другим специалистам гуманитарного профиля, а также всем, кто интересуется культурной историей конца XIX — начала XX века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-288-06098-4

© Воскресенская М. А., 2021
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2021

Содержание

Введение	5
Глава 1	9
1.1. Обоснование термина «Серебряный век»	9
1.2. Содержательно-смысловая целостность Серебряного века	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Аркадьевна Воскресенская

Серебряный век в социокультурном измерении

*Моим родителям – Любови Кузьминичне и Аркадию Аркадьевичу
Воскресенским, моему учителю – Анисе Нурлгаяновне Жеравиной*

Введение

*Я переживаю жизнь как мистерию Духа.
Н. А. Бердяев*

Серебряный век – это уникальный социокультурный феномен, сформировавшийся в рамках русской культуры конца XIX – начала XX столетия на основе специфического мировидения. В такой научной интерпретации он привлекает исследовательское внимание в качестве объекта исторического анализа, назначением которого становится не просто адаптация философско-эстетических рефлексий или искусствоведческих дескрипций к событийному контексту изучаемой эпохи, но определение характера отношений человека с миром в конкретных культурно-исторических условиях. Процессы, происходящие в ментальной сфере, формы духовного освоения действительности и их трансформации не просто придают дополнительные штрихи к портрету эпохи, но раскрывают ее смысловое наполнение, поскольку «образ прошлого, существующий в общественном сознании, определяется не только набором сохранившихся сведений, но и значением, которое им придается»¹. Экономические и политические реалии минувших времен, изучаемые автономно, без учета интеллектуальных, нравственных, психологических, духовно-творческих факторов, не могут исчерпывающе раскрыть логику исторического движения.

Влияние мировоззренческих импульсов на ход общественного развития становится особенно заметным в сложные переходные периоды, что наглядно продемонстрировала эпоха перемен на излете российского самодержавия. Кризисные процессы рубежной поры, когда страна оказалась на историческом распутье, проявились в том числе и на ментальном уровне. Дальнейшее самоопределение общества в немалой степени зависело от состояния умов и миропредставлений различных социальных слоев. Важную роль в русле данного дискурса следует признать за характером самосознания и образом мыслей культурной элиты как наиболее духовной, мыслящей и образованной среды. Формирование культурной элиты российского общества конца XIX – начала XX века, обозначившее социокультурный раскол интеллигенции, повлекло за собой расширение и вариативность поисков интеллигентской мыслью новых исторических путей России и всего мира.

Интеллигенция изначально представляла собой не только социально-профессиональный слой в стратификационной структуре российского общества, но и своеобразную культурную целостность. Она всегда выступала той силой, которая формулировала назревшие в обществе проблемы и продуцировала определенные идеалы, выполняя в повседневной практике задачу формирования культурных ориентиров и духовно-нравственных установок. Однако представления об этих идеалах, иерархия ценностей, расстановка приоритетов в сфере жизненных интересов и принципов не оставались неизменными, раз и навсегда заданными. Различные

---

¹ Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 13.

локальные страты, входившие в состав интеллигенции, предлагали свои варианты решения жизненно важных для страны проблем. Собственно, этим разнообразием взглядов и было обусловлено расслоение прежде единой социальной группы. Исход великой смуты начала XX века во многом зависел от того, какие течения внутри интеллигенции возьмут верх, какие общественные мнения возобладают, чьи идеи окажут решающее воздействие на массовое сознание, определив тем самым историческую судьбу России.

Российская культурная элита рубежа XIX – XX столетий, то есть та часть интеллигенции, которая составила социальную базу Серебряного века, искала, но не сумела найти способы духовной интеграции общества. Как сказал поэт, пусть и по иному поводу, «авантюра не удалась. За попытку – спасибо». Вместе с тем дальнейшая история показала, что альтернативный выбор, возобладавший на практике, в конечном счете также не оправдал себя. На рубеже тысячелетий, спустя неполный век после крушения пришедших в полное противоречие с жизнью общественных порядков, Россия оказалась в схожем положении. В постсоветской действительности, в условиях распада прежней системы ценностей и резкой социальной поляризации на довольно долгий период вновь чрезвычайно обострилась проблема дезинтеграции общества, и от очередного роста внутренней напряженности страна отнюдь не застрахована. Это обстоятельство побуждает задуматься, в чем состояла ошибочность предлагавшихся российской интеллигенцией на рубеже XIX и XX веков вариантов выхода из системного кризиса, которые либо вообще не были воплощены, либо обнаружили свою несостоятельность с течением времени. Возможно, имеет смысл поразмышлять и о том, не был ли какой-то рефлексивный опыт интеллигенции напрасно отвергнут социумом.

Постановка проблемы влияния интеллигентских умонастроений на выбор российским обществом средств разрешения кризисной исторической ситуации предполагает в качестве существенного аспекта изучение вопросов, связанных с социокультурным обликом Серебряного века – таких, как пространственно-временные ракурсы и смыслообразующие основания этой культуры, формы социальной коммуникации и специфика мировидения ее творцов. Актуальность исследования мировоззренческого комплекса культурной элиты в историческом контексте переходной эпохи обоснована, с одной стороны, вполне очевидным сходством социокультурного содержания двух временных пластов на стыках столетий, аналитическое сопоставление которых может способствовать более глубокому пониманию сегодняшней действительности, с другой – необходимостью избежать соблазна примитивных аналогий. Распространенное восприятие перестроечных и постперестроечных процессов как «возвращения» на тот якобы магистральный путь общественного развития, от которого Россия «отклонилась» в начале прошлого века, может оказаться заблуждением и заслуживает критического переосмысления, указывая на необходимость тщательного компаративного анализа обеих рубежных ситуаций.

Исследование социокультурных характеристик Серебряного века требует методологической опоры на антропологически ориентированные принципы культурной истории, под которой понимается совокупность направлений и подходов, изучающих прошлое человечества с точки зрения культурных механизмов развития общества. Антропологический подход в историческом описании предполагает «выявление имманентной позиции самих участников исторического процесса, их отношения к жизни, их ментальностей и систем ценностей»². Культурная история представляет собой не автономную область познания, а особый ракурс рассмотрения исторической действительности: в качестве определяющего фактора общественной динамики выдвигается комплекс доминирующих в социуме идей, миропредставлений, способов мышления и т. п. Культура в таком контексте трактуется «как система отношений, устанавливаемых между человеком и миром. Эта система, с одной стороны, регламентирует поведение человека, с дру-

---

² Гуревич А. Я. Двойная ответственность историка // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3. С. 81.

гой – определяет то, как он моделирует мир»³. При подобных подходах предметом исторического познания становится человек в истории, а не абстрактные надличностные процессы.

Переосмысление в культурно-историческом ключе сложившихся представлений о содержании и смысловых векторах общественных процессов рубежа XIX – XX столетий ставит под сомнение сложившийся стереотип восприятия Серебряного века как явления исключительно художественного порядка. За неизменно артистическими внешними формами его творческого самовыражения скрываются глубинные социокультурные основания породившей этот феномен исторической эпохи. Долгое время Серебряный век рассматривался только как эстетическое явление, совокупность модернистских течений в литературе и искусстве рубежа XIX – XX столетий, его изучение велось по отраслям гуманитарного знания, преимущественно искусствоведами и литературоведами. Позже его неотъемлемой составляющей была признана религиозная философия, постепенно расширился круг исследований интеллектуальнотворческого наследия русского духовного ренессанса. Но и эта грань культурной эпохи изучается как самодостаточная сфера, в узкопрофессиональном исследовательском поле, вне широкого исторического контекста. Нередко декларируемая мысль о том, что Серебряный век являл собой некую духовную общность, не подкреплена в историографии развернутыми обоснованиями. Для того чтобы они появились, предметом специального исследования должен стать социокультурный модус Серебряного века, то есть условия его формирования и формы существования как целостного и многомерного социокультурного феномена. Такому его осмыслению способствуют серьезные концептуальные разработки, представленные научному сообществу в последние годы XX века и в текущем столетии специалистами из разных областей познания. В научной литературе ставятся вопросы интегрирующих начал этой культурно-исторической эпохи⁴, анализируется ее философский контекст⁵, рассматриваются проблемы становления, динамики и трансформаций самосознания ее творцов⁶, психологических мотиваций интеллектуально-творческих процессов той поры⁷, исследуются формы духовного общения и способы репрезентации творческой мысли представителей социокультурной среды Серебряного века, аспекты их повседневного бытования⁸.

³ Успенский Б. А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 277.

⁴ См.: Березовая Л. Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 4–16; Богомолов Н. А. Серебряный век: Опыт рационализации понятия // Богомолов Н. А. Вокруг «серебряного века». М., 2010. С. 7–16; Эткинд Е. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 185–194.

⁵ См.: Быстров В. Н. Между утопией и трагедией: Идея Преображения мира у русских символистов. М., 2012; Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014; Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб., 2010.

⁶ См.: Березовая Л. Г. Самосознание русской интеллигенции начала XX в.: автореф. ... д-ра ист. наук. М., 1994; Богомолов Н. А. Творческое самосознание в реальном бытии (интеллигентское и антиинтеллигентское начало в русском сознании конца XIX – начала XX вв.) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 67–85.

⁷ См.: Эткинд А.: 1) Культура против природы: психология русского модерна // Октябрь. 1993. № 7. С. 168–192; 2) Содом и Психей: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.

⁸ См.: Азадовский К. М. Серебряный век. Имена и события. СПб., 2015; Богомолов Н. А.: 1) Петербургские гафизиты // Серебряный век в России: Избранные страницы. М., 1993. С. 167–210; 2) Эпизод из петербургской культурной жизни 1906–1907 гг. // Ученые записки Тартуского университета. 1988. Вып. 813. С. 95–111; Вислова А. В.: 1) На грани игры и жизни (Игра и театральность в художественной жизни России «серебряного века») // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 28–38; 2) «Серебряный век» как театр: Феномен театральности в культуре рубежа XIX – XX вв. М., 2000; Волженина Е. В.: 1) Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам. М., 2018; 2) Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014; Давиденко О. С. Мифотворчество и театрально-игровые стратегии в литературной жизни Серебряного века как отражение исторического процесса трансформации русского общества конца XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2010; Иньшакова Е. Ю. На грани элитарной и массовой культур (К осмыслению «игрового пространства» русского авангарда) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 162–174; Кобринский А. А. Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007; Лавров А. В., Грешишкин С. С. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Лавров А. В., Грешишкин С. С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб., 2004. С. 6–62; Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918. М., 2017; Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008; Тихвинская Л.

При всех солидных наработках, накопленных отечественной и зарубежной гуманитаристикой в ходе изучения культурно-исторической проблематики Серебряного века, полноценная, всесторонняя история этой блестящей эпохи еще не написана. При огромном количестве работ, рассматривающих частные вопросы в данной области, очевидна нехватка обобщающих трудов, как теоретического, так и эмпирического плана. Причина сложившегося положения, видимо, кроется в том, что пока исследователям не удастся определиться с критериями единства Серебряного века и установить фундаментальные начала его социокультурной целостности. Вероятно, количественное накопление знаний об отдельных аспектах, деталях и гранях рассматриваемого многомерного образования должно в конечном итоге перерасти в концептуальное постижение его внутренней сути. Думается, такая задача по-настоящему осуществима прежде всего в предметном поле исторического познания, по сути своей междисциплинарного и интегрирующего. «Без исторического видения культурологическое осмысление феномена серебряного века оказывается невозможным. Но именно этого видения и не хватает», – заметил много лет назад один из историографов⁹. За прошедшее время эта давняя мысль не утратила актуальности.

И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 2005; Hutchings St. C. Russian modernism: The Transfiguration of the Everyday. Cambridge, 1996; Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism. Stanford, 1994.

⁹ *Дорохин О. Н. Как пишется история серебряного века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1999. Вып. 24. С. 60.*

Глава 1

Культурные границы Серебряного века

1.1. Обоснование термина «Серебряный век»

Серебряный век, «мятежный, богоищущий, бредивший красотой»¹⁰, стал частью интенсивного культурного движения, захватившего на рубеже XIX – XX веков всю Европу, по-своему воплотив духовный подъем и творческий расцвет эпохи модерна. Вхождению русской культуры в этот процесс, безусловно, способствовали такие факторы, как урбанизация, развитие университетского образования, складывание профессионального артистического сообщества, рост числа людей «свободных» профессий и повышение их благосостояния в связи с возросшим спросом на продукты интеллектуального и творческого труда, некоторое ослабление цензурного гнета, появившаяся возможность свободного выезда за границу, восприимчивость к инокультурным влияниям. Вместе с тем специфика конкретных российских условий предопределила самобытный характер складывавшейся тогда в стране культурно-исторической ситуации. Серебряный век выразил себя не просто в совокупности эстетических явлений: он развернулся в многомерный социокультурный феномен, представший в единой системе творчества, философской мысли и образа жизни. Постигание внутренней природы, глубинных оснований Серебряного века как системной целостности связано с определением его смыслового содержания и уточнения хронотопа. Такой комплексный культурно-исторический анализ является сложносоставной методологической задачей, включающей в себя прояснение вопросов терминологического порядка.

Известный американский славист О. Ронен в своей нашумевшей монографии «The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature»¹¹ проследил историю использования выражения «Серебряный век» применительно к русской литературе. Заглавие книги, в русском переводе названной «Серебряный век как умысел и вымысел»¹², красноречиво отражает позицию автора по отношению к этому словосочетанию – по мнению ученого, оно представляет собой «просто расхожий штамп, по сути дела лишенный всякого исторического, хронологического и даже ценностного содержания»¹³. Исходя из этого, О. Ронен заключил свой исследовательский труд призывом «изгнать из чертогов российской словесности бледный, обманчивый и назойливый призрак обозначаемого им, но не существовавшего в двадцатом столетии историко-литературного явления»¹⁴. Призыв этот был услышан и отчасти поддержан: по наблюдениям Н. А. Богомолова в современной научной литературе выражение «Серебряный век» употребляется с большей осторожностью и заметно реже, чем в конце 1980-х – 1990-е годы¹⁵. И все же, несмотря на довольно широко развернувшиеся после выхода книги О. Ронена в России научно-публицистические дискуссии, на весьма неоднозначное отношение в научных кругах к упомянутому выражению как к термину, на отсутствие серьезных подвижек в научном анализе его содержания, трудно согласиться с мыслью, что Серебряный век, и в терминологическом, и в содержательно-смысловом плане, – это всего лишь фикция, заблуждение.

---

¹⁰ *Маковский С. К.* На Парнасе Серебряного века // *Маковский С. К.* Портреты современников. М., 2000. С. 258.

¹¹ *Ronen O.* The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature. Amsterdam, 1997.

¹² *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 124.

¹⁵ См.: *Богомоллов Н. А.* Серебряный век: опыт рационализации понятия // *Богомоллов Н. А.* Вокруг «серебряного века»: статьи и материалы. М., 2010. С. 7.

Стоит поразмышлять, насколько обоснован отказ в праве на его историческое и теоретическое существование.

Нельзя не согласиться с суждением О. Ронена, что наименование «Серебряный век» и его содержание «утратили и авторство, и большую часть своего конкретного первоначального смысла»¹⁶. Этот первоначальный смысл исследователь и попытался восстановить, опираясь в своем анализе прежде всего на источники, относящиеся к самой рассматриваемой эпохе. При этом едва ли не любое упоминание слова «серебряный» в художественных и публицистических произведениях того времени рассматриваются в его книге как самоназвание эпохи. Прихотливая кружевная вязь построений О. Ронена, обыгрывающая встречающееся у самых разных авторов и в самых разных контекстах это прилагательное, весьма искусно (и искусственно!) вплетается в аналитические рассуждения о термине «Серебряный век» и о сути обозначаемых им явлений. Думается, указания на употребление слова «серебряный» в русской поэзии рубежа XIX – XX столетий (или более поздних текстах, но отсылающих к той эпохе) недостаточно для генетического анализа термина. Поэтические средства выразительности сами по себе никак не подкрепляют ни обоснование термина, ни его развенчание, хотя и могут служить своеобразными маркерами самосознания, саморефлексии современников. В этом смысле некорректна даже ссылка на известные строки из ахматовской «Поэмы без героя»: «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл», которые истолкованы О. Роненом как определение эпохи кануна Первой мировой войны¹⁷. Что здесь имела в виду А. А. Ахматова, мы можем только догадываться: может быть, и в самом деле рубежную эпоху, может быть, таким способом она выражала свое субъективное переживание времени, а может быть, образ был навеян какими-то сугубо личными обстоятельствами... Более того, каждый читатель имеет право на свои собственные догадки и трактовки, коль скоро речь идет о художественном произведении. К научному дискурсу и пресловутому спору о терминах все это не имеет отношения. Упоминания выражения «Серебряный век», встречающиеся в критике и публицистике рубежа XIX – XX столетий, тоже не могут восприниматься как научный термин и даже как самоназвание эпохи (которое могло бы появиться только на основе осознания ее внутреннего единства и целостности). Метафора эта и в данном случае у разных авторов прилагалась к разным временным пластам и к разным творческим именам и явлениям (примеры подробно рассмотрены в книге О. Ронена, что снимает необходимость заново их приводить). Не наблюдалось в то время ничего похожего на общее, устоявшееся, разделяемое всеми истолкование выражения «Серебряный век». Единственное, что объединяло различных авторов, так это несколько уничижительный оттенок смыслов, вкладываемых в него: в гесиодовско-овидиевском ключе под ним понимались культурные явления второстепенного порядка по сравнению с некими высшими образцами, однако конкретный их перечень каждый раз выдвигался заново.

Даже если признать (с весьма существенными оговорками) эти разрозненные и разноплановые примеры в качестве фактов самоназвания культуры, приблизимся ли мы к пониманию ее истинного содержания? Варианты самоназвания эпохи в своем изначальном значении помогают нам «расшифровать» некоторые элементы саморефлексии культуры начала XX века. Однако можно ли их считать терминами, то есть выражениями, употребляемыми в специальном научном значении? Когда мы размышляем о смысловом наполнении словосочетания «Серебряный век» применительно к конкретной эпохе, очень важно определить, откуда оно ведет свое происхождение: из саморефлексии культуры (то есть придумано ее творцами) или из последующей исследовательской рефлексии. Необходимо учитывать разницу между этими мыслительными категориями. Научное познание осуществляется посредством рефлексии, а не саморефлексии. Уместно повторить хрестоматийное: «...язык объекта не может выступать

---

¹⁶ Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. С. 31.

¹⁷ См.: Там же. С. 46–69.

в качестве собственного метаязыка»¹⁸. Сегодняшнее употребление словосочетания «Серебряный век» в качестве термина включено в метаязык, то есть в язык описания. Его употребление творцами культуры рубежа XIX – XX столетий лежало в иной категориальной плоскости. Суждение Серебряного века о самом себе – важнейший источник исследования картины мира, миропонимания, способов мышления той поры, это живое свидетельство культурно-исторической эпохи, запечатлевшее ее характерные ментальные черты, но отнюдь не аналитическая выкладка по данному поводу. Серебряный век не мог сам себя адекватно описать и всесторонне проанализировать, поскольку его творцы, находясь внутри конкретно-исторической ситуации, мыслили и выражались языком культурной эпохи, а не исследовательским метаязыком (другими словами, говорили на языке объекта, а не на языке описания).

О. Ронен а priori исходил из убеждения в полной тождественности смыслов, вкладывавшихся в выражение «Серебряный век» современниками той культурно-исторической эпохи, и сегодняшнего его понимания. Неприятие им этого выражения связано с тем, что отдельные критики и мыслители рубежа XIX – XX столетий, следуя античной традиции «металлической» символизации эпох, трактовали творческие процессы своего времени как нечто второсортное, сниженное в ценности по сравнению с Золотым веком русской литературы, и именно поэтому современные им литературные тенденции именовали «Серебряным веком» русской поэзии. О. Ронен, расценивающий этот период как один из величайших взлетов в истории русской поэзии, считает подобные трактовки оскорбительными и незаслуженными, в чем исследователь, безусловно, прав: сегодня найдется не много сторонников мысли, что культурная эпоха рубежа XIX – XX столетий оказалась менее ценной, чем Золотой век русской культуры. Однако с течением времени выражение «Серебряный век», в сущности, превратилось в термин и в качестве такового обрело новый смысл. Не стоит упускать из виду, что в своем современном звучании словосочетание «Серебряный век» выражает совершенно иное содержание. Современники эпохи (не все, но те, на которых ссылается О. Ронен) пытались выделить ее «золотых» и «серебряных» представителей, то есть оценивали степень их одаренности. Это подход скорее критика, чем историка. Историк культуры важнее проникнуть в мировоззренческое содержание творчества и уже исходя из этого дать анализ тех художественных форм, в которых запечатлена духовная ситуация времени, мироощущение, мироощущение, миропонимание эпохи. Вопрос об уровне таланта конкретных творцов отходит здесь на второй план.

Именно в этом направлении и смещаются акценты в употреблении термина «Серебряный век»: он теперь вовсе не означает явления низшего порядка; это имя, наименование эпохи, а не ее оценка. Сравнение с Золотым веком в историческом исследовании вполне уместно и даже необходимо, но оно должно быть не качественным, а типологическим. В данном случае отсылки к античной мифологической схеме, рисующей смену поколений в процессе устройства миропорядка как деградацию от золотого века к серебряному и далее по нисходящей вплоть до железного, не адекватны ситуации рубежа XIX – XX столетий. Подобные аналогии страдают натяжками и абберациями и потому бессмысленны; думается, их следует избегать. Немаловажно учитывать и то обстоятельство, что в сегодняшнем понимании термин «Серебряный век» вышел за пределы поэтического творчества и распространяется теперь на культурный процесс в целом.

Вопреки призывам О. Ронена, термин «Серебряный век», при всей своей расплывчатости, метафоричности, «ненаучности», продолжает достаточно активно функционировать в современном культурном обиходе. Это выражение не только не исчезло, напротив, оно медленно, но верно движется в направлении «от мифологии к научности»¹⁹. Сегодняшние его

¹⁸ Лотман Ю. М. О типологическом изучении культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 97.

¹⁹ Березовая Л. Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 4–16.

смыслы не совпадают с теми, которые анализировал в своей книге О. Ронен, и это не позволяет нам согласиться с негативными оценками наименования «Серебряный век». Сегодня оно перестало восприниматься как обозначение периода литературного и культурного упадка по сравнению с Золотым веком русской культуры (даже декаданс, столь примечательный штрих в облике той культурной эпохи, в наши дни вряд ли может трактоваться как ее основное содержание или признак ее духовного вырождения). Несколько сместив свои аксиологические акценты, теперь выражение «Серебряный век» мыслится как обозначение комплекса определенных конкретно-исторических явлений и процессов в русской культуре конца XIX – начала XX столетия. Другое дело, что дискуссии по поводу содержательного наполнения этого комплекса далеки от завершения. Вхождение термина в научный оборот (как в отечественной, так и в зарубежной гуманитаристике) указывает на то, что за ним стоит по-настоящему значимое явление, требующее не отрицания, а глубокого и тщательного изучения. Его замалчивание, игнорирование не имеет ничего общего с критическим подходом. Явление это оказалось очень сложным для исторического и культурологического анализа. Не оттого ли научная среда так и не решается на серьезное типологическое исследование Серебряного века, а обыденное сознание, пресытившись многочисленными скандальными фактами из его истории, утратило интерес к культурной эпохе и ее творцам? Однако можно ли считать данное обстоятельство подтверждением несостоятельности термина «Серебряный век» и обоснованием отказа от дальнейшего изучения обозначаемого им явления?

Вне зависимости от авторства и первоначальных смыслов термин давно зажил своей жизнью. Вообще, думается, авторство терминов любопытно, но не принципиально. Что изменится в нашем восприятии культурно-исторической эпохи, если мы доподлинно установим изобретателей таких, к примеру, названий, как «Реформация», «Ренессанс», «Просвещение», «классицизм», «романтизм» и т. п.? Даже если нам удастся во всей полноте воссоздать изначальные смыслы, вкладывавшиеся в эти наименования их создателями, у нас останется собственное, сформированное определенной культурно-исторической и историографической традицией их понимание. Кто бы ни был автором термина «Серебряный век» в приложении к культурным реалиям рубежа XIX – XX столетий (а как метафора он вполне мог родиться одновременно во многих умах), сегодняшнее его смысловое наполнение не обязательно должно совпадать с первоначальным. Поэтому в научных изысканиях важнее определиться с современным его пониманием. Этимология вещь далеко не второстепенная в процессе исследования, однако не будем забывать, что слова по мере развития языка и общества нередко меняют свое значение, причем такое случается и с терминами.

О. Ронен категорично утверждал: «В наши дни название осталось в употреблении историков искусства, критиков и литературоведов как стершийся и утративший свой первоначальный, да и вообще какой бы то ни было аксиологический смысл, но не лишенный жеманности классификационный термин, применяемый за неимением лучшего»²⁰. Порой ученый так далеко заходил в критике «неправильного» термина, что совершенно отказывал ему хоть в какой-нибудь содержательности: «Выражение “серебряный век” предполагает определенную ущербность, подражательность, вялость, блеклую стилизацию и повальную болтливость... Поэтому менее искушенный читатель так часто отождествляет “серебряный век” с эстетикой и бытом популяризаторов, подражателей и модничающих эпигонов второго, а то и третьего сорта...»²¹

Трудно согласиться с исследователем в том, что «неудачный» термин затушевывает принадлежность к рассматриваемой культуре упоминаемых им в данной связи Анненского, Блока, Цветаевой, Волошина. Важно также обратить внимание и на такой аспект: полноправными

---

²⁰ Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. С. 114.

²¹ Там же. С. 123–124.

представителями Серебряного века являются не только выдающиеся художники и мыслители, но и те малоизвестные или вовсе безвестные их современники, которые дышали с ними одним воздухом, говорили с ними на одном культурном языке, были охвачены общими с ними духовными устремлениями. К Серебряному веку как к целостной культуре принадлежали все творческие «эшелоны» – и первый, и все последующие. Исключать из него эпигонов и даже тех, кто вошел в историю этой культуры не столько своим творчеством, сколько специфическим образом жизни, значит заведомо искажать историческую картину. Глубинная внутренняя сущность культурноисторической эпохи заключена не в ее творческих вершинах как таковых, а в том мироощущении, которое в них выражено.

Позиция отрицания лишена научной эффективности, она не дает ничего для более глубокого понимания эпохи, для генетического и типологического анализа. Не продуктивнее ли вместо поисков «лучшего» термина осмыслить содержание уже имеющегося, спонтанно вошедшего в научный оборот и обыденное сознание? Может быть, вслед за подлинным осмыслением той реальности, которая за этим термином скрывается, за прояснением ее сути и появится более адекватный термин. Или окончательно будет утверждена правомерность уже существующего. Пока же гуманитарное познание не располагает даже более или менее удовлетворительным определением Серебряного века.

Автор полемической монографии, с его слов, «проследил происхождение и смысл понятия “серебряный век” по основным его источникам в русской критической мысли двадцатых годов...»²². При этом сколько приведено источников, столько обнаруживается и различных толкований этого выражения. Каждый из упомянутых в книге авторов вкладывал в него свой субъективный смысл. С течением времени ясности в этом вопросе не прибавилось. В этой связи невозможно не разделить мнения Л. Г. Березовой: «Здесь мы встречаемся с классической ситуацией в историографии, когда непроработанность термина закрывает путь к дальнейшим конкретно-историческим исследованиям. Познавательный потенциал понятия “Серебряный век” не только не исчерпан, но едва ли начат. Интеллектуальное конструирование мира культуры начала XX века, как в глухую стену, упирается в отсутствие ее внятных типологических оснований. Искусствоведы прошли свою часть пути – дело за историками и культурологами»²³.

Адекватное определение предполагает постижение смысловой сущности сложного, многомерного социокультурного феномена, скрывающегося за упомянутым термином. Термин и обозначаемая им культура не могут и не должны исследоваться автономно, отдельно друг от друга. Вывести дефиницию, отражающую реальное содержание понятия «Серебряный век», невозможно без понимания необходимости предварительно прояснить генезис и уточнить хронологический топос изучаемого феномена, выявить факторы его единства и целостности, описать его основные составляющие, установить критерии, определяющие принадлежность к нему конкретных персон и явлений.

Попутно заметим, что существуют не только различные толкования термина «Серебряный век», но и разночтения в его написании. Встречается написание в кавычках и без кавычек, с прописной и строчной буквы. Отсутствие единообразия в этой области можно расценивать как еще одно свидетельство недостаточности накопленной на сегодняшний день теоретико-методологической базы исследования Серебряного века. Осмелимся высказать собственное суждение по данному вопросу. Если под Серебряным веком подразумевается целостная культура, культурно-историческая эпоха, оптимальным следует признать написание с заглавной буквы и без кавычек: Серебряный век.

Термин «Серебряный век» действительно давно распространился на целостную культуру, перестав ассоциироваться лишь с совокупностью модернистских течений в русской поэ-

---

²² Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. С. 110.

²³ Березовая Л. Г. Серебряный век в России... С. 5.

зии *fin de siècle*. Серебряный век – культура, основанная на специфическом мировидении, своеобразном восприятии мира и понимания человека, его места в мире. Он знаменовал собой время поиска новых художественных форм, соответствующих новому мироощущению. Эта культурно-историческая целостность (пусть и не осмысленная пока до конца с научных позиций) не только заслуживает особого наименования, но и нуждается в нем в силу своей уникальности. Наименование «Серебряный век», закрепившееся за нею, вполне прижилось в научном и обыденном культурном обиходе.

Термин «Серебряный век» в его сегодняшнем звучании – это, конечно, искусственная конструкция, но в такой искусственности нет ничего порочного. Древний эллин не воспринимал свое время как античность, ренессансный человек не подозревал, что живет в эпоху Возрождения, подданный Ромейской империи не называл свою страну Византией, а древний русич не знал государства Киевская Русь. Однако это нисколько не мешает современной науке использовать все эти наименования в качестве терминов. Понятие «Серебряный век» возникло из стремления зафиксировать некую целостность обозначенного им явления. Ведь до сих пор не сложилось цельного образа той культурной эпохи, хотя утверждения о его наличии давно стали аксиомой. Используя выражение «Серебряный век» в качестве термина, мы не даем оценок эпохе. Мы пытаемся понять ее, выявить специфику, дать уникальному явлению уникальное имя.

Быть или не быть Серебряному веку в нашем культурном сознании – вопрос риторический. Серебряный век присутствует в нем как нечто неотторжимое от российской истории, и этого уже не отменить. Бессмысленность его отрицания влечет за собой необходимость комплексного исторического анализа того социокультурного явления, которое скрывается за вызывающим споры названием. Любые попытки приблизиться к пониманию самобытности, социокультурной специфики Серебряного века сталкиваются с необходимостью определения его культурных границ – хронологических, пространственных, содержательно-смысловых. Культурные границы Серебряного века достаточно условны, подвижны и проницаемы. Но их уточнение важно для постижения внутренней природы, глубинных оснований этого феномена как системной целостности и для размышлений о его судьбе, для решения вопроса о том, был ли Серебряный век насильственно и искусственно прерван или сам исчерпал свои внутренние возможности.

1.2. Содержательно-смысловая целостность Серебряного века

Переосмысление понятия «Серебряный век» начали еще современники рубежной поры, но уже после ее окончания, на некотором временном расстоянии, позволявшем взглянуть на культурную жизнь того времени как на целостное образование. В русской эмигрантской среде это выражение эволюционировало от условного обозначения неких малозначимых тенденций к наименованию культурно-исторической эпохи предреволюционного периода, метафорически отражавшему определенную общность характерных для нее явлений.

Несмотря на многочисленные версии, авторство понятия «Серебряный век» применительно к культурным процессам конца XIX – начала XX столетия доподлинно не установлено, хотя чаще всего оно приписывается Н. А. Бердяеву, Н. А. Оцупу или С. К. Маковскому. При этом, вопреки расхожему мнению, опирающемуся, видимо, на ничем не подтвержденное свидетельство С. К. Маковского, утверждавшего, что именно Н. А. Бердяев назвал то время Серебряным веком, «противополагая его пушкинскому – “золотому”»²⁴, в трудах Н. А. Бердяева обнаружить упоминания этого выражения пока, кажется, никому не удалось. Н. А. Оцуп незадолго до ухода из жизни в письме к Ю. П. Иваску от 19 ноября 1958 года заметил: «Кстати, не напишете ли Вы, когда и где Бердяев назвал “серебряным веком” – наш: я, мне кажется, вправе претендовать на авторство сих слов»²⁵. Доказательством, видимо, должна была служить статья Н. А. Оцупа «Серебряный век», опубликованная в 1933 году в парижском литературном журнале «Числа», в которой на самом деле это понятие не связывается исключительно с культурной эпохой рубежа XIX – XX столетий. С точки зрения автора, в любой исторический период «есть золотой и серебряный век искусства»²⁶. К золотому веку он относил гениев, выразивших дух своей эпохи, ее «стихию», к серебряному – тех, быть может, не менее талантливых поэтов и художников, которым не довелось стать ее подлинным голосом. В 1961 году в посмертно изданном сборнике Н. А. Оцупа вышла статья «Серебряный век русской поэзии», начинающаяся с разъяснения: «Пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы»²⁷. Однако указанная работа представляет собой переработанный вариант все той же статьи «Серебряный век» – значительно расширенный, но не изменивший смысловых акцентов прежнего текста. В частности, творчество А. А. Блока автор, как и в первоначальном варианте, относит к золотому веку поэзии XX столетия, несмотря на очевидную невозможность отделить это имя от «модернистической русской литературы». В сущности, Серебряный век у Н. А. Оцупа выступает как обозначение эстетических явлений несколько сниженного порядка. Но в таком понимании это выражение встречалось в литературной критике и до него, что выявил и подробно описал О. Ронен в упоминавшейся выше монографии.

Иное звучание оно приобрело в книге воспоминаний С. К. Маковского «На Парнасе Серебряного века», впервые изданной в 1962 году. Автор использовал это выражение в смысле, близком к его сегодняшнему употреблению: он понимал под Серебряным веком определенную культурную целостность, выделив при этом ведущие факторы ее формирования – такие как социокультурная среда, сотворившая эту целостность, исторические условия, в которых она складывалась и существовала, духовные основания ее внутреннего развития. С. К. Маковский относил к Серебряному веку «поэтов, писателей, художников, музыкантов, выразивших

---

²⁴ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. С. 258.

²⁵ Цит. по комментариям Р. Тименчика к трудам Н. Оцупа. См.: *Оцуп Н. Океан времени*. СПб., 1994. С. 609.

²⁶ *Оцуп Н. Серебряный век // Числа*. 1933. № 7–8. С. 174.

²⁷ *Оцуп Н. А. Современники*. Paris, 1961. С. 127. – См. также: *Оцуп Н. Океан времени*. С. 549.

своим творчеством русский культурный подъем в предреволюционную эпоху»²⁸. При этом, перечисляя ряд конкретных представителей Серебряного века, он помимо деятелей литературы и искусства привел множество имен философов-идеалистов. Объединяющее всех этих творцов начало, по его мнению, – «это религиозная настроенность, искание Бога и как бы ей противоположная и очень русская крайность – анархическое самоутверждение»²⁹. Размышляя об истоках этих веяний, критик отмечал: «Томление духа, стремление к “запредельному” пронизало наш век, “Серебряный век”... отчасти под влиянием Запада», однако, восприняв своих западных «учителей-поэтов, “Серебряный век” освоил их по-русски и углубился в романтику эстетствующего богоискательства. Случилось это в те годы, когда русская империя уже погибала»³⁰. Коснувшись вопроса о месте, которое Серебряный век занимает в истории, С. К. Маковский выразил уверенность в том, что заложенная им традиция «оплодотворит новую – не марксистскую, не бездуховно-рабскую – Россию»³¹. Эти слова также можно считать своеобразной авторской характеристикой рассматриваемого явления.

Мемуары С. К. Маковского представляют интерес не только в качестве ценнейшего источника сведений об эпохе Серебряного века, но и как своеобразный опыт ее концептуального постижения, и все же в них заключен не научно-исследовательский, а художественно-публицистический взгляд на предмет рефлексии. Однако постепенно выражение «Серебряный век» проникает не только в общекультурный обиход, но и в сферу научных изысканий, где оно используется фактически в качестве термина, указывающего на круг явлений в русской культуре эпохи модерна, типологически близкий к западноевропейскому *fin de siècle*. Сначала понятие «Серебряный век» появляется в зарубежном литературоведении и искусствоведении³², а с перестроечного времени активно внедряется в отечественную гуманитаристику, уже не ограничиваясь лишь областью искусствознания и получая множество интерпретаций – от обозначения совокупности модернистских поэтических течений до характеристики общего культурного подъема предреволюционной эпохи. При этом оно явно утрачивает некогда приносившуюся в него негативную оценочность, избавившись от аналогии с «металлическими» компаративными схемами, восходящими к античным традициям. Правда, несмотря на заметное продвижение в изучении Серебряного века, проблема «непроработанности термина»³³ с течением времени не снижает своей актуальности. Споры и дискуссии вокруг его подлинных смыслов не теряют остроты, до сих пор остается нерешенной аналитической задачей выявление оснований социокультурной целостности Серебряного века, осмысление его внутренней духовной сущности. Причина кроется отнюдь не в отсутствии интереса к обсуждаемой тематике: «...нельзя сказать, чтобы серебряный век был обделен вниманием исследователей. Однако хороших работ по частным вопросам много, а какого-либо теоретического синтеза не происходит»³⁴.

Серебряный век резонно ассоциируется с небывалым творческим расцветом русской культуры, прерванным событиями Первой мировой войны и революции. Однако вряд ли именно этим обстоятельством обусловлена самобытность данного явления. Культурный взрыв был приметой времени, отличительным признаком всей переходной эпохи, завершавшей

²⁸ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. С. 257.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 258.

³¹ Там же.

³² См., например: *The Silver Age of Russian culture: an anthology*. Ann Arbor, Michigan, 1975; *Bowl J. E. The Silver Age: Russian Art of early twentieth century and “World of Art” group*. Newtonville, Massachusetts, 1979; *Histoire de la littérature russe*. Т. 4. Le XXe siècle. L'Âge d'argent. Paris, 1987 (в русском переводе: *История русской литературы: XX век: Серебряный век*. М., 1995).

³³ Березова Л. Г. Серебряный век в России... С. 5.

³⁴ Дорохин О. Н. Серебряный век как историко-культурная и историографическая проблема: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 109.

период Нового времени в русской и европейской истории. Очертить реальные контуры Серебряного века возможно только отвергнув неоправданно широкие его толкования, в которых он отождествляется со всей русской культурой конца XIX – начала XX столетия в целом. Вопреки кажущемуся хронологическому подтексту в его названии, Серебряный век не следует трактовать как некий временной отрезок, период в истории отечественной культуры. Рубежная эпоха включала в себя множество разнообразных культурных составляющих, в том числе тенденции и явления, не имеющие отношения к Серебряному веку или прямо ему противостоящие, что вызывает необходимость ограничительной конкретизации трактовок.

Умозаключение, уточняющее область применения этого понятия, выдвигает Н. А. Богомолов: «Как кажется, подавляющее большинство исследователей сойдется на том, что серебряный век – это век нового искусства, нового по отношению к тому, что провозглашал XIX век во всем своеобразии своих устремлений. Из этого очевидно, что мы должны прежде всего рассматривать модернизм в широком смысле этого слова...»³⁵ Предлагаая в данном случае исключить из рассмотрения реалистов, «органически связанных с культурой XIX века»³⁶, автор вместе с тем подчеркивает необходимость учитывать также пограничные фигуры литературного процесса указанного периода, формально не входившие в среду модернистов, но творчески или лично с нею связанные³⁷.

При всей убедительности приведенных выше доводов их все же нельзя считать исчерпывающими для определения содержательно-смысловых границ Серебряного века. Здесь налицо другая крайность – чрезмерно узкий подход к интерпретации рассматриваемого явления, содержание которого невозможно свести к совокупности новейших течений литературы и искусства. Наряду с художественным творчеством, основанным на принципах модернистской эстетики, его неотъемлемой составляющей стала оригинальная религиозно-философская мысль. Кроме того, из его истории невозможно вычеркнуть тех, кто связан с ним не столько своим творческим наследием, сколько самим образом жизни, мыслей и поведения. Своеобразным атрибутом Серебряного века стали бесконечные «выходы» искусства в жизнь – странные романы, мыслившиеся воплощением соловьевского «Смысла любви», эстетизация быта как попытка переустройства мира по законам красоты, идея революции духа в противовес политическому перевороту и т. п. Это наводит на мысль о том, что принадлежность к Серебряному веку не может определяться исключительно профессиональными признаками. Ее главным критерием выступает не род занятий, а специфическое мировидение, присущее творцам Серебряного века. Их общность складывалась на основе схожих представлений, ценностей, духовных ориентиров, которые разделялись далеко не всеми современниками эпохи и находили внешнее выражение как в оригинальных интеллектуально-эстетических формах высказывания, так и в практике жизнотворчества как альтернативе насильственным способам революционного переустройства общества. Общественное сознание творцов Серебряного века под воздействием социальных брожений могло несколько политизироваться (преимущественно в неопределенно-либеральном направлении), однако в целом их творческая активность сохраняла интеллектуально-художественный характер, лишь в единичных случаях выходя за пределы духовной сферы в область политической практики.

Говоря о Серебряном веке, необходимо учитывать не только новый художественный и философский язык, отвечавший особенностям нового культурного сознания, но и социальную среду носителей этого сознания с присущим ей стилем мышления и существования. Социальную базу Серебряного века составила особая группа интеллигенции, выделившаяся из общей разночинской массы в пореформенную эпоху и представлявшая культурную элиту российского

---

³⁵ Богомолов Н. А. Серебряный век... С. 8.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 9.

общества конца XIX – начала XX столетия. Принадлежность к ней не только предопределяла род занятий человека, но и предполагала определенные личностные качества, оригинальный характер миропредставлений, специфическую систему ценностей. Этому слою людей было свойственно неприятие политического радикализма левой интеллигенции, ее узкодогматического мышления, прямолинейных позитивистских построений, вульгарного материализма, этического и эстетического нигилизма, утилитарных подходов к искусству. Новая социальная страта испытывала потребность в самоидентификации, что сопровождалось естественным стремлением «явить себя миру», донести до общественного сознания современников и потомков свою мировоззренческую позицию и творческое credo. Как следствие, с целью внешней трансляции идей в этой специфической среде выстраивались и функционировали собственные формы, способы и ресурсы коммуникации: формальные и неформальные сообщества, издательства, пресса, различные культурные проекты и мероприятия.

Таким образом, Серебряный век представлял собой целостное многоаспектное образование, включавшее в качестве своих компонентов явления, структуры и процессы социального, эстетического, мировоззренческого порядка. Серебряный век можно трактовать как культуру, если под культурой понимается способ бытия человека в мире, ценностно-смысловая система координат, ориентирующая его в социальном пространстве, определяющая характер его отношений с реальностью, формирующая принципы понимания им окружающей действительности, задающая векторы его мышления, поведения, всей жизнедеятельности. Культура Серебряного века базировалась на мировидении определенного и довольно узкого слоя общества. Она не исчерпывала всего содержания своей культурноисторической эпохи, став составной частью более объемного образования – русской культуры конца XIX – начала XX столетия. Выражение «Серебряный век» в данном случае выступает как термин, условное наименование конкретного феномена, уникальной культурно-исторической целостности без каких-либо ее оценок и сравнений с неким «золотым» идеалом. Однако часть исследователей вслед за О. Роненом, призывавшим «изгнать» его из научного употребления, отвергает этот термин, по-прежнему усматривая в нем отрицательную коннотацию и предпочитая ему другой – «русский ренессанс».

Подобно понятию «Серебряный век», выражение «русский ренессанс» не имеет какого-то определенного автора. Как уже было отмечено в исследовательской литературе³⁸, очень многие современники рубежной эпохи ощутили в ее духовной атмосфере приметы возрождения, ренессанса. Эти мотивы были связаны не только с пробуждением российского общества от апатии после «глухих годов» периода реакции и контрреформ. В источниках той поры среди мало что объясняющих эмоционально-поэтических деклараций на этот счет встречаются и высказывания, раскрывающие суть ренессансных процессов рубежа XIX – XX веков и помогающие понять, что же именно тогда возрождалось (или подлежало возрождению). Так, Н. А. Бердяев в разгар первой русской революции провозгласил в статье «Культура и политика (К философии новой русской истории)» (1905): «*Осуществление нашей столетней политической мечты должно быть связано с великим культурным и религиозным ренессансом России*. Только тогда мы будем знать, во имя чего действовать и творить. Мы ставим своей целью не только элементарное освобождение, но и ренессанс культурный, создание культуры на почве обновленного религиозного сознания»³⁹. Важный штрих к облику русского ренессанса добавлен в статье А. А. Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (1915), где наметилось осознание современных поэту духовных процессов как возрождения забытых начал национальной культуры: «Мне кажется общим местом то, что русская культура со смерти Пушкина была в загоне; что действитель-

³⁸ См.: Ермичев А. А. Чем является русский духовный ренессанс? // Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 495–510.

³⁹ Бердяев Н. А. Культура и политика (К философии новой русской истории) // Бердяев Н. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). СПб., 1907. С. 289.

ное внимание к ней пробудилось лишь в конце прошлого столетия, при первых лучах нового русского возрождения. Если в XIX столетии все внимание было обращено в одну сторону – на русскую общественность и государственность, – то лишь в XX веке положено начало пониманию русского зодчества, русской живописи, русской философии, русской музыки и русской поэзии»⁴⁰.

Эти мысли перекликаются с наблюдениями других представителей культурной элиты. В частности, еще в начале 1890-х годов В. В. Розанов заявил об отказе нового культурного поколения от идейного наследия шестидесятников, для которых «мир поэзии, религии и нравственности остался непонятным и навсегда закрытым»⁴¹, и призвал вспомнить «светлую плеяду людей сороковых и пятидесятих годов, первых славянофилов и столь же благородных и идеальных первых западников»⁴². Д. С. Мережковский отмечал, что с конца XIX века в духовной атмосфере эпохи нарастает крайнее неприятие позитивизма⁴³. С. Н. Дурылин в письме к В. В. Розанову от 9 февраля 1914 года размышлял о появлении молодых людей, «для которых перевернулся весь принятый канон русской культуры и мысли. Линия идет не так, как велась доселе: Белинский – Герцен – Чернышевский – Шелгунов – Михайловский – и Михайловская пыль, сидящая в “Русских богатствах”, “Ведомостях”, “Словах” и проч. – в мысли: Гоголь – паинька (т. е. Гоголь “приспособленный” и интеллигентски проредактированный) – Щедрин – Некрасов – Надсон и проч., а вот как: славянофилы (которые, в сущности, больше имеют права именоваться западниками, чем “западники”, ибо Киреевскому, Хомякову и Тютчеву Запад был ведом лучше и “западнее”, чем Белинскому) – настоящий Гоголь – Лермонтов – поэт Тютчев – Достоевский – Лесков – Леонтьев – Вл. Соловьев, а ныне линия русской культуры обвивает, конечно, Булгакова, Розанова, Вяч. Иванова, Флоренского, а расплывшихся Чернышевских просто зачеркивает»⁴⁴. В сущности, речь в этих размышлениях шла об актуализации на каком-то новом уровне тех духовных тенденций, которые после ухода с культурной сцены романтиков и славянофилов были забыты революционной интеллигенцией, обладавшей крайне политизированным и секулярным сознанием и сводившей смысл культуры к утилитарному назначению социального обличительства. Разочарование в идеях революционно-демократической интеллигенции и предлагаемых ею способах изменения неудовлетворяющих условий жизни привело к убеждению в том, что подлинное переустройство общества связано не столько с социально-политическим переворотом и экономическим освобождением, сколько с широкими культурными преобразованиями, духовным совершенствованием личности, возвращением к некогда напрасно отвергнутым ценностям.

Обстоятельное осмысление культурных процессов и духовных веяний предреволюционной эпохи начнется уже за ее временными пределами – прежде всего в трудах мыслителей русского зарубежья. Вспоминая впоследствии тот период русской жизни, многие современники эпохи отмечали в качестве ее характерной черты изменение в умонастроениях общества, отход части интеллектуальнотворческой интеллигенции от позитивистски-рационалистического мышления и преимущественного внимания к социально заостренной проблематике в сторону внутреннего мира человека и его духовных связей с миром. Г. В. Флоровский так отзывался о том времени: «“Конец века” означал в русском развитии рубеж и начало, перевал сознания. Изменяется самое чувство жизни... В те годы многим вдруг открывается, что человек есть существо метафизическое... В мире тоже открывается глубина... Религиозная

⁴⁰ Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 487.

⁴¹ Розанов В. В. В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов»? // Московские ведомости. 1891. 15 июля.

⁴² Розанов В. В. Почему мы отказываемся от «наследства 60–70-х годов»? // Московские ведомости. 1891. 7 июля.

⁴³ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 214.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Дурылин С. Н. Оп. 1. Ед. хр. 381. Л. 12.

потребность вновь пробуждается в русском обществе...»⁴⁵ Одним из ярких проявлений этого мировоззренческого сдвига в культурном сознании эпохи стал литературно-художественный модернизм. Как писал Г. В. Флоровский, «это был особый путь возврата к вере, через эстетизм и через Ницше, и в самой вере оставался осадок этого эстетизма, остаток искусства и литературности. Раньше у нас возвращались к вере через философию (к догматике) или через мораль (к Евангелизму). Путь через искусство был новым»⁴⁶

---

⁴⁵ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 45.

⁴⁶ Там же. С. 455–456.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.